

В диссертационный совет 02.1.002.03,
созданный при ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного
правоведения
при Правительстве Российской
Федерации»,
117218, г. Москва, ул. Б.
Черемушкинская, д. 34

ОТЗЫВ
официального оппонента

доктора юридических наук, профессора
Честнова Ильи Львовича
на диссертацию Жигитова Александра Александровича
на тему «Категория смысла в теории толкования права»,
представленную на соискание учёной степени кандидата юридических наук
по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Представленная к защите диссертация А.А. Жигитова на тему «Категория смысла в теории толкования права» обладает как теоретической, так и практической актуальностью. Проблема смысла в праве вообще и применительно к его толкованию – «вечная» для юриспруденции, как для теории права, так и для отраслевых юридических наук. Казалось бы, со времен пандектистики XIX в. сложилась точка зрения, ставшая классической, по поводу того, что толкование норм права – это уяснение и разъяснение ее смысла, который либо задается автором (законодателем) нормы права, либо содержится в ее – нормы права – тексте (формулировке). Однако, как верно отмечает автор, сегодня (как минимум, со второй пол. XX в.) такой подход как минимум дополняется новым, постклассическим, в котором акцентируется внимание на динамичности, контекстуальности, intersubjectивности и, добавлю от себя, ценностной нагруженности как объекта толкования, так и процесса, и результата. В нем, ко всему прочему, переопределяется понимание смысла, в том числе, норм права. Он не существует как некая данность, но конструируется (хотя и не по произволу) в диалоге автора (законодателя – нормотворца) и интерпретатора.

Эти теоретические изменения, постепенно происходящие в современной юриспруденции, имеют несомненное практическое воплощение, т.е. влияют на практики толкования норм права. О них с многочисленными примерами судебных решений обстоятельно пишет А.А. Жигитов. Все это наглядно свидетельствует об *актуальности* представленного исследования.

Прочтение диссертации А.А. Жигитова дает основание констатировать, что автору удалось заявить новый, оригинальный подход к пониманию смысла норм права в процессе их толкования. Обращение к исследованиям в области философии, семиотики, психологии, юриспруденции с позиций постклассической (преимущественно постструктуралистской) методологии позволило диссертанту предложить авторскую подход, предполагающий дополнительную «объективистского и субъективистского подходов» к толкованию норм права и сформулировать решение сложной проблемы соотношения эпистемологического, онтологического и динамического измерений толкования, а также дихотомии намерения законодателя и текстуального выражения смысла норм права. Кроме того, в работе формулируется авторская трёхстадийная герменевтическая модель толкования: проблематизация — поиск и конструирование смысла — аргументация и легитимация и система критериев ограничения интерпретационного усмотрения. Все это наглядно свидетельствует о *научной новизне* диссертации.

Теоретическая значимость представленной работы состоит в развитии целостной герменевтической концепции толкования права, опирающейся на фундаментальные характеристики категории смысла, что вносит вклад в общую теорию права, философию права и юридическую методологию.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенная модель и система критериев легитимации смысла могут быть использованы для совершенствования судебной аргументации, повышения её прозрачности и предсказуемости, а также в преподавании курсов теории государства и права, философии права, истории политических и правовых учений.

Не вызывает сомнения *личный вклад диссертанта в разработку избранной темы, обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, высокий теоретический уровень выполненного исследования*, что подтверждается глубокой проработанностью сложных философско-правовых проблем. Этот вывод можно продемонстрировать основными идеями, сформулированными в работе.

В первой главе дан обстоятельный общеправовой анализ категории смысла применительно к праву и его толкованию. «Смысл — это комплексное, многомерное образование, которое включает в себя: семантическое ядро (содержание), контекстуальную обусловленность (исторический, культурный фон), и, наконец, цель (телеологический компонент). Иначе говоря, смысл не замыкается на замысле автора того или иного текста, он также зависит от буквального содержания толкуемого и контекста ситуации, контекста автора и интерпретатора». (с. 24)

Одновременно автор выделяет онтологический, феноменологический и деятельностный аспекты смысла, (с. 34) как органическое единство объективного и субъективного, «объединяющее пространство для достижения взаимопонимания между друг другом». (с. 35) Смысл «не присутствует независимо от конкретного человека, то есть объективно», а «единство и стабильность при толковании правовых норм обеспечивается конвенциональностью правовых смыслов, а не их объективным существованием». (с. 38, 39).

Таким образом, констатирует автор, «смысл существует в интересубъективности и предполагает диалог между личными универсами. Понимать смысл — это значит прежде всего понимать друг друга (взаимопонимание)». (с. 39) Не могу не поддержать мысль автора о диалогичности смысла как процесса осмысления (придания или приписывания) права. (с. 48 и др.)

Придерживаясь постклассической методологии автор определяет такие свойства смысла правовой нормы, как контекстуальность, интенциональность, интересубъективность, поливариантность, что эксплицирует его динамический характер. Тем самым А.А. Жигитов не много, не мало, предлагает новую, постклассическую парадигму толкования права с помощью категории смысла. (с. 65) Одновременно им обстоятельно анализируются ограничения «судебного активизма», риски, связанные с ним и возможные ответы на них. (с. 67-73)

Вторая глава посвящена критическому анализу двух конкурирующих версий направленности толкования — объективистской (поиск «воли закона») и субъективистской (поиск «воли законодателя»). «Смысл правового текста, - заявляет диссертант, - и какого-либо другого не появляется сам по себе и не существует как некая объективная сущность внутри текста, ожидая своего открытия — в ходе интерпретации мы сами придаем смысл тексту». (с. 85)

В параграфе 2.2. обсуждается не прекращающаяся в теории права дискуссия о «воле законодателя» и «воле закона», а также о соотношении статистического и динамического толкования права. При поиске «воли законодателя» в ходе толкования права проблемным становится вопрос: кто такой законодатель и есть ли он вообще? Проблема обнаружения воли законодателя, по мнению автора, связана с тем, что «юридическая практика показывает, что право существует скорее не в форме императивного приказа, чье авторство можно установить, а скорее являет собой компромисс между отдельными людьми и социальными группами». (с. 98) «Закономерно возникает следующий вопрос: а можем ли мы вообще говорить о какой-либо единой коллективной воле? Даже если подразумевать под сувереном или законодателем некий коллективный субъект и, соответственно, резюмировать истолкование коллективной воли в законе, то, когда мы говорим об этом, налицо определенная фикция такого выражения». (с. 102)

Проблема выражения смысла и его понимания в тексте нормы права связана с тем, что «автор никогда не может поручиться, что высказанное им целиком и полностью отразило его волю, или содержит ровно столько смыслов, сколько он хотел высказать — не больше и не меньше, а мы равно также не можем зарекаться от восприятия смыслов о которых автор даже не задумывался. Иначе говоря, мнение или волю автора текста почти невозможно изолированно выделить из самого текста, смысл которого всегда превышает вкладываемый авторский смысл. Именно поэтому, также сложно говорить о какой-либо действительной воле законодателя: все рассуждения по этому поводу будут носить предположительный и вероятностный характер, так как мы имеем дело только с текстом и не можем проникнуть в мысли автора на момент законодательного процесса (как и он сам, между прочим)». (с. 106)

Выход, по мнению диссертанта, в том, чтобы рассматривать фигуру законодателя и его волю не в качестве реально существующих объектов, а как определенного рода фикцию — такой прием может быть эффективен для уяснения смысла правовой нормы. Вместо реального автора предполагается «образцовый автор», под которым подразумевается образцовая «текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали». (с. 108)

В *третьей главе* автором предложена оригинальная трёхстадийная герменевтическая модель толкования права (проблематизация — поиск и конструирование смысла — аргументация и легитимация), развивающая традиционную дихотомию «уяснение — разъяснение», а также трёхуровневая система критериев легитимации выявленного смысла (формально-правовые, институционально-конвенциональные, социальные), позволяющая согласовать признание творческого характера толкования с необходимостью ограничения произвола интерпретатора.

Процесс толкования, по мнению автора, начинается с осознания неясности, проблемы в понимании нормы (с. 119). Поэтому первую стадию он именует «проблематизацией». (параграф 3.2.) «Любое положение закона всегда может быть проблематизировано. Речь идет о том, что очевидность нередко бывает обманчива и является скорее предрассудком или мыслительной привычкой, поэтому для выявления более точного смысла нормы мы вынуждены проблематизировать его, даже если он дан напрямую». (с. 122). «Вопрошание к тексту — это методологический прием, при котором интерпретатор не принимает первое прочтение как окончательное, а последовательно задает вопросы: «как эта норма соотносится с принципами?», «каковы последствия ее применения в данном случае?», «соответствует ли это цели, ради которой норма принималась?». Это превращает толкование из пассивного уяснения в активный диалог». (с. 133)

Содержание второй стадии состоит в выдвижении гипотез о смысле и «набрасывании» его различных вариантов на текст правовой нормы. Тем самым происходит «переход от неочевидного к очевидному - к контексту - тому очевидному, что окружает толкуемый текст, к уже доступному всеобщему для этого частного». (с. 135) «Основная стадия процесса толкования — поиск и конструирование смысла — представляет собой диалектическое движение, описываемое герменевтической спиралью. Это движение происходит в двух плоскостях: 1) диалектика «частного и общего» — движение мысли от конкретной нормы (частное) к ее многообразным контекстам (общее), таким как системный, доктринальный, исторический, телеологический, и обратно; 2) диалектика «общего и особенного» — движение от нормы (общее правило) к уникальной ситуации ее применения (особенное) и обратно». (с. 150)

Третья стадия толкования нормы права представлена аргументацией и легитимацией решения о ее смысле. Ее образует выявление из множественности смыслов и их конкуренции того смысла, который интерпретатор признает релевантным, что определяется его волевым решением (с. 152) В этом же параграфе автор решает сложный теоретический и практический вопрос о том, как ограничить неизбежное усмотрение правоприменителя: 1) Как возможно достижение предсказуемости права (ожиданий граждан от правового порядка) в ситуации постулируемой неопределенности смыслов и их многовариантности? 2) Как исключить произвол интерпретатора при толковании? Чем он должен руководствоваться? Есть ли какой-либо содержательный критерий отбираемых смыслов?

«Добросовестное отношение» к тексту и процессу интерпретации, по мысли автора, предполагает: 1) отношение к тексту как субъекту диалога, а не как к послушному инструменту, который может быть употреблен для оправдания любого произвольно приписываемого смысла; 2) обязанность интерпретатора — рассмотреть все релевантные контексты и конкурирующие интерпретации, а не подгонять текст под заранее принятое решение; 3) обоснованность не личными предпочтениями, а апелляцией к интересубъективным критериям (принципам, правовым позициям, разумным ожиданиям) (с. 164) Ограничения усмотрения правоприменителя являются: принципы права, доктринальные установки, презумпции, конвенции ученых, нормы, закрепляющие процесс толкования, правовые традиции, социальные ожидания и др., которые можно расположить иерархически: формальные, институциональные и социальные (с. 181, 183).

Завершается данный параграф изложением практического воплощения в виде конкретного алгоритма действий интерпретатора разработанной автором трехстадийной герменевтической модели. Тем самым высокая теория приобретает четкое практическое воплощение. (с. 183-185)

Можно и дальше перечислять несомненные достоинства работы. Однако, как и любое серьезное научное исследование, в ней можно обнаружить несколько дискуссионных положений.

1. В работе правильно утверждается о том, что смысл норма права не есть данность, но задается контекстом, в котором она была сконструирована и реализуется. (с.18, 20 и след.) Однако контекстуальное толкование права в практике юриста используется крайне редко, преимущественно при историческом толковании того законодательства (и иных форм внешнего выражения права), которое имеет более или менее длинную историю или в «сложных делах» в высших судебных инстанциях, когда используется «взвешивание ценностей». Влияние контекста политики, экономики, других социальных факторов, несомненно, имеет место, однако оно эксплицируется и учитывается как правило в конкретных научных исследованиях. Этот момент можно было бы четче обозначить.

2. Автор на с. 39 заявляет: «Правовая норма не имеет своего референта в объективной действительности; как она сама, так и ее смысл — это продукт социального взаимодействия: коммуникации, диалога и соглашений». Я бы уточнил, что объект или вещь, к которой отсылает норма права, не может считаться референтом нормы права, но это не означает, что референта (точнее – референтов) как такового у нормы права нет: это прежде всего, поведение людей – носителей статусов субъектов права, включая их правосознание (психический комплекс, по Г.В. Мальцеву: потребности, интересы, ценности, мотивация).

3. На с. 117 со ссылкой на П.Е. Недбайло автор заявляет, что толкованием в юридическом смысле нельзя называть что-либо кроме правоприменительного толкования. В частности, он предлагает отличать от него научную разработку и разъяснения общего характера для граждан. Интересно, диссертация А.А. Жигитова относится к юриспруденции или сфера права – это только правоприменение?

4. Анализируя первую стадию толкования норм права – проблематизацию – автор полагает, что «в тексте более-менее воспринимается нечто знакомое — узнаваемые смыслы. Мы обращаемся к уже имеющимся в нашем сознании смыслам». (с. 122) Является ли это узнавание (предрассудок, по Х.-Г. Гадамеру) проблематизацией? Я полагаю, что эту стадию следовало бы назвать «предварительным пониманием», термином, используемым автором (с. 123) Да, в некоторых (редких) ситуациях имеет место критическое отношение к предрассудкам (или лучше это назвать типизациями), о чем писал не только упоминаемый М. Хайдеггер (с. 130), но и П. Бурдьё. Но в подавляющем же большинстве случаев такой рефлексии из-за загруженности правоприменителя не происходит.

Высказанные замечания и вопросы носят дискуссионный характер, предполагают направления возможного развития предпринятого диссертантом исследования и не снижают его общей научной значимости и самостоятельности, а также не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Выводы

Диссертация Жигитова Александра Александровича на тему «Категория смысла в теории толкования права» является самостоятельной, завершённой научно-квалификационной работой, содержащей решение научной задачи, имеющей значение для теоретико-правовой науки. Диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, отличается внутренним единством, свободным владением философским и общетеоретическим материалом и вносит заметный вклад в развитие отечественной теории толкования права.

Диссертация в полной мере соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата юридических наук, установленным пунктами 9–14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор Жигитов Александр Александрович заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Официальный оппонент,
доктор юридических наук (12.00.01. «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве», профессор;
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
федерального государственного казённого образовательного
учреждения высшего образования «Университет прокуратуры
Российской Федерации»

Илья Львович Честнов

« 08 » 07 2026 г.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44
тел.: +7 (812) 275-59-31
e-mail: nauka@procuror-spb.ru

